

УДК 94(37+57)"1920/1930":808.5

doi 10.17072/2219-3111-2017-4-162-171

ОБРАЗ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОРОДА» В ПУБЛИЧНОЙ РИТОРИКЕ: ДИСКУССИИ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА И СОВРЕМЕННЫЕ ЯЗЫКИ ОПИСАНИЯ¹

М. С. Ильченко

Институт философии и права УрО РАН, 620990, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16
Уральский федеральный университет, 620083, Екатеринбург, ул. Ленина, 51
msilchenko@mail.ru

Анализируются особенности утверждения конструкта «социалистического города» в интеллектуальных дискуссиях 1920–1930-х гг., рассматриваются его нормативная составляющая, ценностные основания и регулятивные свойства. Особое внимание уделяется символической трансформации образа соцгорода в современном риторическом контексте. Обсновывается существование трёх основных типов дискурса, в которых образ социалистического города воспроизводится в современных условиях. Анализируются логика их использования, ключевые смысловые акценты и общие символические контуры. В частности, отмечается, что утверждение риторики «наследия» было связано с возможностью сохранить символическую дистанцию по отношению к советскому прошлому и вывести разговор о районах советской застройки за пределы социально-политического контекста. При этом если риторика «наследия» позволяла обозначить символические контуры пространства социалистических городов, фиксируя их в общественном восприятии, то «утопический» дискурс смог предложить качественно новые рамки для интерпретации этих пространств, наполнив их новыми смыслами и значениями и тем самым сформировав новый язык описания. На основании анализа дискуссий 1920–1930-х гг. и современных языков описания делается вывод о том, что дискурсивная составляющая стала одним из ключевых элементов, определивших характер развития социалистических городов, не просто играя роль символического сопровождения градостроительных изменений, но и выполняя функцию важнейшего идеологического и социального регулятора.

Ключевые слова: социалистический город, публичная риторика, межвоенная ситуация, язык описания, советская застройка, символическая трансформация, градостроительство.

Риторику строительства новых городов, охватившую в 1920–1930-е гг. самые разные страны мира, можно по праву считать одним из основных двигателей мощных социальных преобразований межвоенного периода. Способы репрезентации новых градостроительных замыслов определяли формирование современного городского пространства в не меньшей степени, чем инженерные новшества и архитектурные решения. Они не только утверждали сам образ современного города в общественном сознании, но и закрепляли соответствующие представления о том, каким должен быть современный городской организм и как он должен функционировать. Теоретические рассуждения о будущем городов, сколь бы утопичными они ни казались, превращались в своего рода естественную составляющую архитектурных проектов [*Ле Корбюзье*, 1977, *Le Corbusier* 1985; *Hilberseimer*, 2014; *Taut*, 1919]. Для ведущих архитекторов эпохи слово становилось таким же значимым инструментом, как и строительные технологии. При этом для самой «новой архитектуры» существование в музейных пространствах, выставочных залах и на страницах многочисленных печатных изданий было совершенно органичным и закономерным (см., например [*Cohen*, 2012, p. 190–199]).

В советском градостроительстве 1920-х – начала 1930-х гг. эта тенденция имела особое значение. Советский Союз не просто следовал мировым трендам активного проникновения архитектуры в сферу публичного обсуждения, но демонстрировал их крайнее воплощение. Способ разговора о новой советской архитектуре, её визуальные образы и репрезентации в прессе служили своеобразным дополнением реального градостроительного процесса (см., например [*Anderson, Romberg*, 2005]). Они одновременно конструировали представление о новом городском пространстве и в некотором смысле брали на себя функцию регулятора этого пространства.

Характерный пример – социалистические города, один из самых амбициозных градостроительных проектов советской эпохи, реализация которого изначально демонстрировала глубокую зависимость от символического контекста и практик публичной репрезентации. Их рассмотрение в таком ракурсе предполагает решение двойной задачи. Во-первых, необходимо понять роль и функции символической репрезентации соцгородов в самой градостроительной стратегии их реализации в 1920–1930-е гг. Во-вторых, важно определить, в какой степени пространства соцгородов оказываются зависимыми от языка описания в сегодняшних условиях, когда прежние символические значения оказались утрачены вместе с развалом советской системы.

«Социалистический город» в публичной риторике 1920-1930-х гг.: конструирование образа

Проект создания «социалистических городов» представлял собой одну из самых радикальных теоретических задумок советского градостроительства и одновременно знаменовал начало одной из самых масштабных градостроительных кампаний в советской истории. Социалистические города с самого начала были вынуждены существовать в разрыве между риторикой о новых «городах будущего» и реальной градостроительной практикой, мало соотносившейся с призывами, манифестами и архитектурными программами. Ситуацию несоответствия между «декларируемым» и «реальным» можно считать типичной для всей системы социального строительства первых советских десятилетий. Однако для социалистических городов она имела особое значение. Само понятие соцгорода возникло в конце 1920-х гг. как сугубо теоретический конструкт, не имевший аналогов в архитектурной практике. Безусловно, в ходе создания проектов социалистического города учитывались как многочисленные концептуальные наработки зарубежных архитекторов, так и реальный опыт градостроительства европейских стран (см., например [Кириченко 2015; Коньшева 2015]). Однако в советском контексте все эти заимствования накладывались друг на друга и, как следствие, приобретали новое звучание и нередко новое практическое применение.

Проект соцгорода являлся предметом оживлённых обсуждений с участием специалистов и широкой публики, разделял дискутировавшие стороны на «лагеря», выступал ориентиром в составлении многочисленных планов и проектов, формировал профессиональные стимулы, определял мировоззрение молодого поколения архитекторов, при этом в реальной практике градостроительства долгое время существовал скорее в виде желанной цели, чем чёткого механизма организации поселения. В этом смысле знаменитая дискуссия «о социалистическом расселении», широко развернувшаяся на страницах советской печати в 1929–1930 гг. (см., например [Охитович, 1930а, 1930б; Барц, Гинзбург, 1930; Барц и др., 1930; Сабсович, 1930; Пузис, 1930; Верезубов, 1930; Заславский, 1930]), не столько служила информационным сопровождением строительства новых поселений, сколько утверждала сам образ нового социалистического города, определяя его функциональную роль и символическое значение [Меерович и др., 2011; Тимофеев, 2016].

В сущности, риторика и способ разговора о социалистических городах выполняли функцию полноценного регулятора, они задавали символические границы новых территорий, формировали образ места, закрепляли в восприятии новые пространственные структуры. Декларации, манифесты, программные статьи, официальные речи, стенограммы выступлений, призывы и обращения – всё это не просто было символическим довеском к процессу строительства, но представляло собой одну из форм существования новых городских образований. Не случайно поселения, которые в реальности находились либо на начальной стадии строительства, либо лишь намечались в проекте нередко подавались на страницах печати как уже существующие и функционирующие городские организмы (см., например [СССР на стройке, 1932; Викторов, 1930; О социалистических городах, 1934]). Во многом именно это определяло характер их восприятия и пространственный образ.

Социалистический город утверждался мифологией идеального советского градостроительного проекта, который был призван демонстрировать победу над природой и освоение «пустого пространства», всемогущество человеческой воли и преодоление времени, строительство цивилизации «без прошлого» и закладку новых традиций (см., например [Черня, 1930; О социалистических городах, 1934; Попов, 1934; Гречуха, 1933]). Именно в этом нарративе соцгород обретал свой пространственный облик, чёткую структуру и набор функций, и именно к этому нарративу он оказывался изначально привязан символически.

В реальности строительство новых поселений под знаком возведения соцгородов следовало различным траекториям, будучи зависимым от конкретных локальных условий и имеющихся ресурсов; оно нередко осуществлялось вне всякого плана и с трудом сводилось к каким-либо единым стандартам [Попов, 1933; Ефремов, 1933; Меерович и др., 2011, с.119–161; Коньшева, Меерович, 2012; Ильченко, 2016]. Все эти многообразные опыты скреплял воедино символический язык описания, который придавал идее соцгорода цельность и стройность. При этом для каждого периода советской эпохи этот язык предлагал свою идеальную картинку. Если для 1920–1930-х гг. соцгород был пространством будущего, созидаемым вопреки обстоятельствам, то в послевоенный период он превращался в цветущий и заливаемый светом «город-сад» (см. [Косенкова, 2009]), а в 1960–1970-е гг. воплощал мечту о новом многоэтажном советском городе (см., например [Свердловск, 1973, с. 84]). Впрочем, с распадом советской системы все эти символы утрачивают своё значение и соцгорода оказываются лишёнными того, что изначально определяло их территориальную идентичность и сущностные черты.

Соцгород в условиях символической трансформации: риторика «наследия»

С падением советского строя соцгорода утрачивают не просто функциональное и идеологическое значение. Утрата прежних символов означала для них потерю сложившихся форм репрезентации и языка описания как такового, т.е., в сущности, символическое «исчезновение». Как следствие, пространство социалистических городов оказывалось в довольно специфической ситуации. В советское время их положение было двойственным: соцгорода, с одной стороны, воспринимались в качестве самостоятельных городских организмов, с другой – были территориально привязаны к крупным индустриальным центрам. В постсоветских условиях такая особенность оборачивалась крайней неопределённостью их положения. С утратой прежней функции идентичность соцгородов оказывалась размытой, и огромные пространства, некогда символизировавшие передовые градостроительные идеи и наступление новой эпохи, превращались в простые участки территории, типичные «отдалённые районы» – периферию крупных городских агломераций. Упадок производства и исчезновение скрепляющей силы предприятия как символического центра превращало территории соцгородов в новые городские окраины, известность которых для широкой публики в новых условиях, как правило, оказывалась связана лишь с неблагоприятной криминальной обстановкой.

Вместе с тем и по пространственной логике, и по внешним очертаниям, и по характеру застройки пространства социалистических городов достаточно сильно отличались от других городских территорий и потому продолжали сохранять специфику.

Это отличие было особенно ощутимым на символическом уровне. Соцгорода не имели никакой другой истории, кроме советской, и потому не позволяли апеллировать к дореволюционному прошлому в поисках новых символов и образов. Само их пространство оказывалось герметичным, как бы замкнутым в себе, что затрудняло возможность вписать его в другие смысловые контексты. Вдобавок к этому на общем фоне «отказа» от советского прошлого «советское» в нём вовсе не выступало фигурой яростного отрицания, как это происходило, например, с насыщенными советской символикой центральными городскими площадями. Пространство соцгородов вообще слабо ассоциировалось с политикой и идеологией. В массовом восприятии оно олицетворяло пространство повседневности, быта и того жизненного уклада, утрата которого сопровождалась скорее ностальгическим переживанием, чем резким отторжением или иронией.

В таких условиях новой символической формой репрезентации этих территорий мог стать язык описания, воспроизводство которого позволило бы, во-первых, отстраниться от ближайшего исторического прошлого и сохранить по отношению к нему определённую символическую дистанцию, во-вторых, выйти за пределы социально-политического контекста их интерпретации или, по крайней мере, существенно его смягчить.

Именно эту роль сыграла риторика «наследия», в рамках которой был предложен взгляд на советскую застройку соцгородов как на пространство, обладающее особой эстетической, исторической и архитектурной ценностью. Так, внезапно обнаружилось, что серые и внешне малопримечательные сооружения, формирующие облик не слишком благополучных районов промышленных городов, обладают особой архитектурной значимостью, претендуют на присвоение статуса памятников наряду со средневековыми церквями и ансамблями классицизма и имеют все

шансы быть вписанными в «общемировой культурный контекст». В массовом восприятии это приводило к столкновению двух несовместимых реальностей – повседневного, обыденного, неприметного, с одной стороны, и общезначимого, ценного, относимого к культурному достоянию – с другой.

Этот эффект был особенно заметным, когда пространство соцгородов начинали рассматривать в контексте мировых градостроительных и художественных тенденций. Основным толчком этому послужила серия исследовательских, художественных и образовательных проектов, связанных с изучением следов работы зарубежных специалистов, участвовавших в проектировании и строительстве социалистических городов в самых разных уголках Советского Союза в 1920–1930-е годы. Прежде всего, это касалось выходцев знаменитой школы «Баухауз» (см., например [Bauhaus на Урале, 2008, 2010; Общее..., 2010]). При этом основное воздействие на массовое восприятие оказывали не столько конкретные исторические свидетельства и реальная значимость их работы, сколько сам факт символической причастности бренда «Баухауз» к самым обычным для внешнего взгляда районам советской застройки. В этом смысле показательна и типична реакция на обнаруженные в архивах свидетельства одного из выходцев из Баухауза – Белы Шефлера в соцгороде Уралмаша. В начале 2000-х гг. осознание этой связи производило мощный эмоциональный эффект: «На нашем Уралмаше – архитектор из "Баухауза"»? «Чтобы выпускник прославленной школы работал на Уралмаше!..» (см. [Расторгуев, 2011, с.206]).

Это удивление и ошеломление имело большое значение. Именно оно помогало высвободить пространство соцгорода из привычного контекста восприятия. Перед широкой аудиторией в совершенно новом свете представляли огромные пространства жилых районов, которые ранее ассоциировались исключительно с «советским» и «индустриальным». В сущности, риторика «наследия» способствовала их символическому «открытию». «Соцгород в Новокузнецке – это довольно уникальное и интересное место, о существовании которого порой не догадываются даже люди, живущие рядом... Собственно, если бы не современный проект "Соцгород – город мечты", то о месте этом до сих пор знали бы только глубокие старожилы да люди, интересующиеся историей города...» – ситуация, описываемая в блоге одного из краеведов и активистов Новокузнецка, является вполне характерной для нового восприятия привычных пространств советской застройки [Прогулки по Новокузнецку, 2014].

Новая риторика быстро усваивалась в постсоветских условиях – кварталы соцгородов превращались в «памятники», «культурное достояние» и «объекты охраны». Теперь они представляли собой не просто «исторические образцы стиля», а часть «мирового наследия». Отдельные сооружения и целые районы застройки соцгородов подробно описывались, каталогизировались, попадали в различные списки и реестры по охране. В сущности, именно эта риторика и открывала пространства соцгородов для широкой публики, сделав возможным сам разговор о них на доступном языке.

Между тем возможности дискурса «наследия» при ближайшем рассмотрении оказываются весьма ограниченными. Логика, которая лежит в его основе, проста: если объект представляет собой культурную, историческую, художественную или какую-либо иную ценность, то эта ценность должна быть обоснована и подтверждена закреплением за этим объектом соответствующего статуса. В этом смысле наиболее полно она реализуется в политике «музеефикации» прошлого – своего рода маркировки градостроительных комплексов по их соответствию конкретному стилю, автору, эпохе и, как следствие, в превращении их в «памятники» и «артефакты». Не случайно популярность в дискуссиях вокруг градостроительного наследия соцгородов приобрели такие риторические фигуры, как «музей под открытым небом», «город-памятник», «коллекция памятников конструктивизма», «заповедник авангарда» и пр.

Впрочем, совсем скоро стало очевидно, что простое объявление исторической части соцгородов «музеями» и внесение новых зданий в «списки охраны» не разрешают проблемы, а лишь позволяют сделать шаг на пути к её формулировке: районы с многотысячным населением в условиях интенсивного городского развития требовали новых интерпретаций и способов осмысления.

От «места утопии» к «культурному пространству»

Риторика «наследия» давала возможность обозначить символические контуры пространства социалистических городов, фиксировать их в общественном восприятии, однако в смысловом

плане предлагала довольно узкие рамки для их интерпретации. Градостроительные эксперименты, принадлежность к передовым художественным течениям, особая эстетика – всё это увлекало и интриговало, но скорее лишь намекало на то, что за отдельными сооружениями и кварталами старой советской застройки скрывается нечто большее, отсылающее к гораздо более глубинным смыслам, которые в существующем языке описания не могут быть раскрыты.

По мере возрастания публичного интереса к советской архитектуре и градостроительству 1920–1930-х гг. пространства бывших социалистических городов начинают всё чаще попадать в фокус внимания в проектах, где основным предметом рассмотрения становятся не столько их стилистические, эстетические или градостроительные особенности, сколько само время, которое они символизируют. В фотографиях на многочисленных выставках, изображениях арт-инсталляций и сюжетах на телевидении за отдельными сооружениями и кварталами советской застройки постепенно проступает эпоха с её надеждами, ожиданиями и ощущением стремительных перемен. Старые дворы, комплексы зданий и отдельные сооружения соцгородов позволяют заглянуть в прошлое и поймать ощущение эпохи строительства «нового мира». И совершенно неважно, что этот мир так и не был построен, а сама эпоха неожиданно оборвалась. Именно в этом и заключается особое очарование – говорить о будущем, которое не наступило. Так постепенно формируется дискурс «нереализованной утопии», предлагающий качественно новый взгляд на пространство соцгородов.

«Соцгород – город мечты» в Новокузнецке, «Затерянный город будущего» в Запорожье, «Соцгород – автозаводская утопия» в Нижнем Новгороде – в самой стилистике и подаче этих художественных и образовательных проектов читается новый посыл: основная ценность, смысловое содержание и притягательность районов советской застройки 1920–1930-х гг. заключены не в сохранившихся зданиях и кварталах, а в их скрытой задумке и устремлении. То есть в том, чему в итоге не суждено было реализоваться (см., например [Соцгород – город мечты, 2013; Затерянный город будущего, 2011]). А потому пространство социалистических городов привлекательно уже не столько необычной градостроительной структурой и особенностями авангардной застройки, сколько свидетельствами принадлежности к эпохе – символами и метками времени. Предмет изучения, таким образом, становится ещё и источником вдохновения. Ведь наряду с пространством «археологического» поиска районы советской застройки превращаются в пространство фантазии, игры воображения, сопровождаемой нотками особого романтического переживания.

В 2010 г. территория двух социалистических городов – Автозавода в Нижнем Новгороде и Уралмаша в Екатеринбурге – стала местом реализации художественного проекта «Коммунальный авангард» (см. [Коммунальный авангард, 2011]). В его рамках оба соцгорода превратились в пространство прогулок, творческих исследований и созерцаний. В предисловии специально изданного каталога проекта впечатление, полученное художниками от посещения соцгорода Уралмаша, в частности, описывалось так: «Сегодня Уралмаш – завораживающая руина, где сложно отличить следы реального и утопического. Данная статья призвана помочь отыскать основные объекты соцгорода <...> но вам, уважаемый читатель, придётся соблюдать одно базовое правило: добавляйте слово «возможно» к каждой нашей рекомендации. Например, на правой стороне улицы вы [возможно!] увидите то-то или вам [возможно!] стоит свернуть в такой-то переулок. Возможно, вы отправляетесь на прогулку по месту, которого не существует, но тени и отзвуки которого вам, возможно, удастся отыскать» [Там же, с.35].

Уралмаш здесь – пространство не просто созерцаемое, но созидаемое, конструируемое воображением. «Остатки советской цивилизации» в виде полуразрушенных зданий – не столько предмет археологического изучения, сколько повод помыслить «неслучившееся будущее». Каждая постройка – знак и символ. Потому в описании «руин и развалин» прочитывается скорее скрытое наслаждение образом, чем беспокойство за сохранность и стремление определить уникальность сооружения.

«Утопическая» риторика позволяла расширить границы самого предмета рассмотрения – вместо «стиля» и «объекта охраны» им становилось время, его дух и атмосфера, а также предлагала новые возможности интерпретации – художественные образы оказывались не менее значимыми, чем поиск новых исторических свидетельств. Но, пожалуй, самое главное – такая риторика добавляла в разговор о соцгородах новую сентиментальную тональность. Старые кварталы, дворы

и сооружения становились предметом переживания вместе с проступающим за ними советским прошлым.

В сущности, именно дискурс «нереализованной утопии» формировал образ тех соцгородов, которые сегодня вновь превратились в предмет интереса и живых дискуссий в среде городской общественности, интеллектуалов и урбанистов. Именно в таком ракурсе пространство соцгородов наполнялось совершенно новыми смыслами – все элементы исторической застройки, отдельные сооружения, самые мелкие детали и артефакты, стали восприниматься частью грандиозного проекта, нереализованного, незавершённого, но от того ещё более привлекательного. В процессе такого смыслового конструирования районы соцгородов вновь обретали цельность, символические границы и полноценный язык описания, а у зрителя складывалась особая оптика их восприятия.

Впрочем, несмотря на все различия, и риторика «наследия», и риторика «утопии» оказываются схожи в одном принципиальном моменте – они не дают возможности помыслить пространство соцгородов настоящим. В риторике «наследия» соцгород – это прежде всего памятник (исторический, градостроительный, художественный), и потому он принадлежит к некоему вневременному пространству, которое являет собой своего рода параллельную реальность и никак не связано с привычным течением жизни. Дискурс «утопии» позволяет поместить пространство соцгородов в некое абстрактное будущее, которое никогда не наступит, и ассоциировать с надеждой, которой не суждено воплотиться в жизнь.

Очевидно, что для районов с многотысячным населением и огромной территорией одним из ключевых вызовов оказывается необходимость постепенной интеграции в современное городское пространство, а значит, и выработка соответствующего символического языка. Поэтому неудивительно, что в публичной риторике последнего времени всё чаще и отчётливее стала звучать мысль о ревитализации и «оживлении» территорий соцгородов. При этом значительная часть реализуемых в них проектов оказалась ориентирована на новые культурные инициативы в попытке найти новые формы и функционал для старых зданий, архитектурных комплексов и целых районов.

Территория соцгородов всё чаще стала представлять то «новым культурным пространством», то местом «новых культурных практик», то территорией «культурного эксперимента» или даже «культурной революции» (см., например [Культурная революция, 2016]). Проводником этого явились многочисленные фестивали, арт-проекты, крупные выставки (см., например [«Исторические локации», 2016; Новокузнецкая «Неделя уличного искусства», 2015]). Складывающийся в результате образ нового, развивающегося, включённого в современные городские ритмы соцгорода неизбежно мыслится, формулируется и репрезентируется в категориях «культурного развития», «культурного потенциала» и «культурного пространства».

Дискуссии о культурном развитии соцгородов можно было бы считать ещё одной вариацией на темы «идеального будущего» и «новой утопии», если бы «культурный» дискурс не стал разделяем и воспроизводим в официальной публичной риторике. Идеи создания «культурного кластера» и эффективного использования уникального «культурного ресурса» довольно быстро проникли и прочно закрепились в презентациях, концепциях и документах, обсуждаемых представителями административных структур, девелоперских компаний и бизнес-сообщества. Более того, многие проблемы, связанные с развитием территорий соцгородов: сохранение ряда архитектурных памятников, использование общественных пространств, новое освоение зелёных зон, были впервые публично озвучены именно в такой форме подачи.

В сущности, «культурная» риторика стала первым способом разговора о будущем развития соцгородов в форме диалога между общественностью, властью и бизнесом. Городская общественность и интеллектуалы оказались способны чётко изложить свои проекты и сформулировать предложения по работе с наследием авангарда, апеллируя к «культурным практикам» и «творческим индустриям», а власть оказалась готовой принять их именно в такой подаче и на таком языке.

Можно предположить, что «культурный» дискурс станет лишь промежуточной формой разговора о будущем соцгородов, а его трансформация вскоре приведёт к появлению нового языка описания. Но уже сейчас очевидно, что сам факт публичного обсуждения развития этих территорий знаменует возможность их важной трансформации – постепенного обретения ими новых символических границ, способов репрезентации и места в новой меняющейся городской

географии. В разных случаях эти тенденции оказываются выражены по-разному, но все они подтверждают один тезис: будучи в существенной степени сформированными символическим языком и формами репрезентации в 1920–1930-е гг., пространства соцгородов остаются зависимыми и чувствительными к изменениям символических значений и языков описания до сих пор.

Примечания

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект №17-18-01165.

Библиографический список

- Барц М.О., Гинзбург М.Я.* Зеленый город // Современная архитектура. 1930. №1–2. С. 20–37.
- Барц М., Владимиров В., Охитович М., Соколов Н.* Магнитогорье: К проблеме генплана // Современная архитектура. 1930. №1–2. С. 38–56.
- Vaughan на Урале. От Соликамска до Орска: Матер. междунар. науч. конф., 12–16 ноября 2007 г., Екатеринбург / сост.: Л.И. Токменинова, А. Фольперт; представительство Фонда Розы Люксембург в Российской Федерации, Урал. гос. архитектур.-худ. акад. Екатеринбург: Вебстер, 2008. 175 с.*
- Vaughan на Урале. Сохранение наследия: Матер. междунар. науч. семинара, 22–24 августа 2008 г., Екатеринбург / науч. ред. Л.И. Токменинова. Екатеринбург: Вебстер, 2010. 154 с.*
- Верезубов И.К.* К вопросу о проблеме социалистического города // Строительство Москвы. 1930. №1. С. 13–16.
- Викторов Б.* Соціалістичні міста Донбасу. Харків: Шляхи Індустріалізації, 1930. 22 с.
- Гречуха В.* За четкий архитектурный облик социалистических городов // За социалистическую реконструкцию городов. 1933. №1. С. 9–10.
- Ефремов Н.Д.* О нормах планировки городов // За социалистическую реконструкцию городов. 1933. №2. С. 10–12.
- Заславский А.* Против искривления классовой линии в строительстве социалистических городов // Строительство Москвы. 1930. №1. С. 24–25.
- Затерянный город будущего: Анонс выставки «Большое Запорожье 1930. Затерянный город будущего».* 2011. URL: http://afisha.zp.ua/vystavki/zateryannyu-gorod-budushego_1304.html (дата обращения: 01.07.2017).
- Ильченко М.С.* Опыт Уралмаша в архитектуре советского авангарда: градостроительный эксперимент 1920–1930-х гг. // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4. №3. С. 55–71.
- «Исторические локации»: в запорожском Соцгороде прошёл второй фестиваль, 23 мая 2016 г.* URL: http://reporter-ua.com/2016/05/23/292033_istoricheskie-lokacii-v-kruglom-dome-zaporozhe-proshel-vtoroy-festival-o-nashem (дата обращения: 01.07.2017).
- Кириченко Е.* От доходных домов к квартирным домам и ансамблям соцгородов // Массовое жилище как объект творчества. Роль социальной инженерии и художественных идей в проектировании жилой среды. Опыт XX и проблемы XXI в. / отв. ред. Т.Г. Малинина; НИИ теории и истории изобраз. искусств при Рос. акад. художеств, М.: БуксМАрт, 2015. С. 34–43.
- Коммунальный авангард: каталог-путеводитель / ред.-сост. Е. Белова, А. Савицкая. Нижний Новгород, 2011. 58 с.*
- Коньшева Е.В.* «Новый Франкфурт» (1925–1930) и «социалистические города» первых пятилеток: трансформация опыта европейских архитекторов // Хан-Магомедовские чтения. М.; СПб.: Коло, 2015. С. 253–268.
- Коньшева Е.В., Меерович М.Г.* Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска). М.: ЛЕНАНД, 2012. 224 с.
- Косенкова Ю.Л.* Советский город 1940-х – первой половины 1950-х гг.: От творческих поисков к практике строительства. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 440 с.
- Культурная революция на районе. Уралмаш – памятник советской истории или участок тотальной застройки.* 2016. URL: <http://momenty.org/city/i164573> (дата обращения: 01.07.2017).
- Ле Корбюзье.* Архитектура XX в. М.: Прогресс, 1977. 303 с.
- Меерович М.Г., Коньшева Е.В., Хмельницкий Д.С.* Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). М.: РОССПЭН, 2011. 270 с.

- Новокузнецкая «Неделя уличного искусства» получила признание, 8 сентября 2015. URL: <https://www.city-n.ru/view/364527.html> (дата обращения: 01.07.2017).
- О социалистических городах // За социалистическую реконструкцию городов. 1934. №5. С. 1–6. Общее: Буклет выставочного проекта «1920–1930. Баухаус. Авангард. Запорожье, Харьков, Дессау, Франкфурт-на-Майне». Запорожье, 2010. 12 с.
- Охитович М.* Заметки по теории расселения // Современная архитектура. 1930а. №1–2. С. 7–16.
- Охитович М.* Отчего гибнет город? // Строительство Москвы. 1930б. №1. С. 9–11.
- Попов Ф.* К вопросу о планировке городов // За социалистическую реконструкцию городов. 1933. №5. С. 14–16.
- Попов Ф.* Генеральный проект Большого Запорожья // За социалистическую реконструкцию городов. 1934. №6. С. 11–15.
- Прогулки по Новокузнецку. Соцгород (Хитарова. Энтузиастов)// Запись в блоге nemologos, 18 июля 2014 г. URL: <http://nemologos.livejournal.com/74407.html> (дата обращения: 01.07.2017).
- Пузис Г.* О методах исчисления населения в планировке населенных мест // Советская архитектура. 1931. №3. С.4–7.
- Расторгуев А.* Наследие эксперимента. Из истории архитектурного авангарда на Урале // Урал. 2011. №8. С. 205–223.
- Сабсович Л.М.* Новые пути в строительстве городов // Строительство Москвы. 1930. №1. С.3–5. СССР на стройке. 1932. №7, июль.
- Свердловск: Экскурсии без экскурсовода. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1973. 104 с.
- Соцгород – город мечты. Репортаж о проекте 17.06.2013. URL: http://www.tvn-tv.ru/news/mountains_economy/sotsgorod_gorod_mechty.html (дата обращения: 01.07.2017).
- Тимофеев М.* От «красного Манчестера» к «красному Диснейленду»: конструктивистская архитектура и стратегии позиционирования города Иваново // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4, №3. С. 72–92.
- Черня И.* Города социализма // Революция и культура. 1930. №1. С. 11–16.
- Anderson R., Romberg K. Architecture in Print. Design and Debate in the Soviet Union 1919–1935. Wallach Art Gallery, 2005. 78 p.
- Cohen J.-L. The Future of Architecture. Since 1889. Phaidon, 2012. 528 p.
- Hilberseimer L. Metropolisarchitecture / ed. by R. Anderson. Columbia Books on Architecture and the City, 2014. 368 p.
- Le Corbusier. Towards a New Architecture. Dover Publication, 1985. 320 p.
- Taut B. Die Stadtkrone. Eugen Diederichs Verlag in Jena, 1919 / англ. перевод по: Taut B. The City Crown. URL: <http://socks-studio.com/2013/09/28/bruno-taut-the-city-crown-1919/> (дата обращения: 01.07.2017).

Дата поступления рукописи в редакцию 30.09.2017

IMAGE OF THE “SOCIALIST CITY” IN PUBLIC RHETORIC: DEBATES OF THE INTERWAR PERIOD AND MODERN LANGUAGES OF DESCRIPTION

M. S. Ilchenko

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Kovalevskoy str., 16, 620012, Yekaterinburg, Russia
Ural Federal University, Lenin str., 51, 620083, Yekaterinburg, Russia
msilchenko@mail.ru

The article analyzes the establishment of the concept of the “socialist city” in intellectual debates of the 1920s and 1930s by considering its normative component, values and regulative power with special attention paid to symbolic transformation of the image of “socialist city” in modern rhetoric context. The author theoretically substantiates that there are three main types of discourses reproducing the image of “socialist city” today. The logic of their use, the main meanings and symbolic contours are analyzed. It is argued that the spread of the rhetoric of “heritage” was connected with the desire to keep symbolic distance from the Soviet past, as well as to move the discussion on the Soviet urban areas beyond a socio-political context. Meanwhile, if the rhetoric of “heritage” just outlined symbolic contours of “socialist cities” fixing them in public consciousness, the “utopian” discourse managed to propose a

completely new framework for their interpretation, filling those spaces with new meanings and, thus, shaping a new language of their description. Relying on the analysis of the interwar debates and modern rhetoric, the author concludes that discursive component appeared to be a key element that determined the development of socialist cities and not only played the role of symbolic accompaniment for the city building reforms but also served as an important ideological and social regulator.

Key words: socialist city, public rhetoric, interwar period, languages of description, the Soviet urban areas, symbolic transformation, urban planning.

References

- Anderson, R., Romberg, K. (2005), *Architecture in Print. Design and Debate in the Soviet Union 1919–1935*, Wallach Art Gallery, New York, USA, 78 p.
- Barshh, M.O., Ginzburg, M.Ja. (1930), “A Green City”, *Sovremennaya arhitektura*, 1930, № 1–2, pp. 20–37.
- Barshh, M., Vladimirov, V., Ohitovich, M., Sokolov, N. (1930), “Magnitogorye: to the Problem of a General Plan”, *Sovremennaya arhitektura*, № 1–2, pp. 38–56.
- Tokmeninova, L.I., Fol'pert A. (eds.) (2008), *Bauhaus na Urale. Ot Solikamska do Orska: Mater. mezhdunar. nauch. konf., 12–16 noyabrya 2007 g., Ekaterinburg* [Bauhaus in the Urals: from Solikamsk to Orsk. Materials of the International research conference, 12-16 November 2007, Yekaterinburg], Vebster, Yekaterinburg, Russia, 175 p.
- Tokmeninova, L.I. (ed.) (2010), *Bauhaus na Urale. Sohranenie naslediya: Mater. mezhdunar. nauch. seminara, 22–24 avgusta 2008 g., Ekaterinburg* [Bauhaus in the Urals. Preservation of the Heritage. Materials of the International research seminar, 22-24 August 2008, Yekaterinburg], Vebster, Yekaterinburg, Russia, 154 p.
- Belova, E., Savitskaya, A. (2011), *Kommunal'nyy avangard: kat.-putevoditel'* [Communal avant-garde: catalogue-guidebook], Nizhny Novgorod, Russia, 58 p.
- Chernya, I. (1930), “Cities of Socialism”, *Revolutsiya i kul'tura*, №1, pp. 11–16.
- Cohen, J.-L. (2012), *The Future of Architecture. Since 1889*. Phaidon, London, Phaidon Press Ltd, 528 p.
- Efremov, N.D. (1933), “On the norms of the city planning”, *Za sotsialisticheskuyu rekonstruktsiyu gorodov*, №2, pp. 10–12.
- Grechuho, V. (1933), “For the clear architectural image of Socialist Cities”, *Za sotsialisticheskuyu rekonstruktsiyu gorodov*, №1, pp. 9–10.
- Hilberseimer, L. (2014), *Metropolis architecture*, Columbia Books on Architecture and the City, Columbia, USA, 368 p.
- Il'chenko, M.S. (2016), “Uralmash in the Architecture of the Soviet Avant-Garde: an Experiment in City Construction in the 1920s and 1930s”, *Quaestio Rossica*, Vol. 4, №3, pp. 55–71.
- «Istoricheskie lokatsii»: v zaporozhskom Socgorode proshel vtoroy festival” (2016) [“Historical Locations: a second festival was held in the Socialist City of Zaporizhia”], 23 maya 2016 g., available at: http://reporter-ua.com/2016/05/23/292033_istoricheskie-lokacii-v-kruglom-dome-zaporozhe-proshel-vtoroy-festival-o-nashem (accessed 01.07.2017).
- Kirichenko E. (2015), “From Tenement Buildings to Apartment Houses and ensembles of Socialist Cities”, in Malinina, T.G. (ed.), *Massovoe zhilishhe kak obyekt tvorchestva. Rol' sotsial'noy inzhenerii i hudozhestvennykh idey v proektirovanii zhiloy sredy. Opyt XX i problemy XXI veka* [Mass Housing as a Form of Creativity. The role of social engineering and creative ideas in designing living environments. Experience of the 20th century and challenges of the 21st century], BuksMArt, Moscow, Russia, pp. 34–43.
- Konyshva, E.V. (2015), “New Frankfurt” (1925–1930) and “Socialist Cities” of the first five-year plans: transformation of the experience of the European architects”, in *Han-Magomedovskie chteniya* [The Readings of Khan-Magomedov], Kolo, Moscow, Saint-Petersburg, Russia, pp. 253–268.
- Konyshva, E.V., Meerovich, M.G. (2012), *Ernst May i proektirovanie sotsgorodov v gody pervykh pyatiletok (na primere Magnitogorska)* [Ernst May and the Design of the Socialist Cities in the period of the five-year plans (case of Magnitogorsk)], LENAND, Moscow, Russia, 224 p.
- Kosenkova, Ju.L. (2009), *Sovetskiy gorod 1940-h – pervoy poloviny 1950-h gg.: Ot tvorcheskikh poiskov k praktike stroitel'stva* [The Soviet City of 1940s – first half of 1950s: From Creative Research to Building Practice], Publishing House «LIBROKOM», Moscow, Russia, 440 p.
- Kul'turnaya revolutsiya na rajone. Uralmash – pamyatnik sovetskoy istorii ili uchastok total'noy zastroyki* [Cultural revolution “at the district”. Uralmash - a monument of the Soviet history or construction area?] (2016), available at: <http://momenty.org/city/i164573> (accessed 01.07.2017).
- Le Corbusier (1985), *Towards a New Architecture*, Dover Publication, New York, USA, 320 p.
- Le Korbyuz'e. Arhitektura XX veka* [Le Corbusier. Architecture of the XX Century] (1977), Progress, Moscow, Russia, 303 p.
- Meerovich, M.G., Konyshva, E.V., Hmel'nitskiy, D.S. (2011), *Kladbishhe sotsgorodov: gradostroitel'naya politika v SSSR (1928–1932 gg.)* [Cemetery of Socialist Cities: Urban Planning Policy in the USSR (1928–1932)], ROSSPEN, Moscow, Russia, 270 p.

- Novokuznetskaya «Nedelya ulichnogo iskusstva» poluchila priznanie* [“Street art-week in Novokuznetsk has been recognized”] (2015), available at: <https://www.city-n.ru/view/364527.html> (accessed 01.07.2017).
- Obshhee: Buklet vystavochnogo proekta «1920–1930. Bauhaus. Avangard. Zaporozh'e, Har'kov, Dessau, Frankfurt-na-Majne»* [“A common: booklet of the exhibition project “1920-1930. Bauhaus. Avant-Garde. Zaporizhye, Kharkiv, Dessau, Frankfurt”] (2010), Zaporizhye, Ukraine, 12 p.
- Ohitovich, M. (1930), “Notes on the Theory of Resettlement”, *Sovremennaya arhitektura*, №1–2, pp. 7–16.
- Ohitovich, M. (1930), “Why does city die?”, *Stroitel'stvo Moskvy*, №1. pp. 9–11.
- “On Socialist Cities” (1934), *Za sotsialisticheskuyu rekonstruktsiyu gorodov*, №5, p. 1–6.
- Verezubov, I.K. (1930), “To the question of the Socialist City problem”, *Stroitel'stvo Moskvy*, № 1, pp. 13-16.
- Popov, F. (1933), “To the question of the city planning”, *Za sotsialisticheskuyu rekonstruktsiyu gorodov*, №5, pp. 14–16.
- Popov, F. (1934), “General Project of Big Zaporizhia”, *Za sotsialisticheskuyu rekonstruktsiyu gorodov*, №6, pp. 11–15.
- Progulki po Novokuznetsku* [Walks through Novokuznetsk] (2014), blog entry, available at: <http://nemologos.livejournal.com/74407.html> (accessed 01.07.2017).
- Puzis, G. (1931), “On the methods to calculate population while planning the new settlements”, *Sovetskaya arhitektura*, №3, pp. 4–7.
- Rastorguev, A. (2011), “Heritage of the Experiment. From the history of the architectural avant-garde in Urals, Ural”, №8, pp. 205–223.
- Sabsovich, L.M. (1930), “New ways to build cities”, *Stroitel'stvo Moskvy*, №1. pp. 3–5.
- SSSR na stroyke* (1932), №7, July.
- Sverdlovsk: Ekskursii bez ekskursovoda* [Sverdlovsk: Excursions without a guide] (1973), Sverdlovsk, Russia, 104 p.
- Sotsgorod – gorod mechty* [Socialist City is a dream city] (2013), available at: http://www.tvn-tv.ru/news/mountains_economy/sotsgorod_gorod_mechty.html (accessed 01.07.2017).
- Taut, B. (1919), *Die Stadtkrone. Eugen Diederichs Verlag in Jena*, available at: <http://socks-studio.com/2013/09/28/bruno-taut-the-city-crown-1919/> (accessed 01.07.2017).
- Timofeev, M. (2016), “From ‘red Manchester’ to ‘red Disneyland’: constructivist architecture and the representation of Ivanovo”, *Quaestio Rossica*, Vol. 4, №3, pp. 72–92.
- Viktorov, B. (1930), *Sotsiyalichni mista Donbasu* [Socialist Cities of Donbas], Shlyakhi Industriyalizatsii, Kharkiv, Ukraine, 22 p.
- Zaslavskiy, A. (1930), “Against distortion of the class line in the building process of Socialist Cities”, *Stroitel'stvo Moskvy*, №1, pp. 24–25.
- Zateryanny gorod budushhego. Anons vystavki* [A Lost City of the Future. Preview of the Exhibition] (2011), available at: http://afisha.zp.ua/vystavki/zateryanny-gorod-budushhego_1304.html (accessed 01.07.2017).